

И.И. Зильберберг

Что же происходит сегодня в Советском Союзе?

Статья, написанная в мае-июне 1988 года, была опубликована в том же году в мюнхенском журнале "Форум" №19. Её название отсылает сегодняшнего читателя к событиям, которые кажутся очень далёкими, и возвращает его в страну, которой уже больше нет, по крайней мере на политической карте. А сама статья содержит, к тому же, временной перепад в двадцать почти лет. И если автор предлагает её современному российскому читателю, то лишь потому, что убеждён: то, о чём говорилось в те далёкие для нас теперь времена, имеет отношение и к дню сегодняшнему.

На этот вопрос можно услышать много ответов, разных и даже противоположных. Но поскольку все они исходят из рассмотрения одних и тех же событий, в каждом возможно найти ту крупицу истины, которую смог выявить тот или иной индивидуум с помощью собственных знаний и жизненного опыта. Лишь совокупность их может дать нам если не истину в последней инстанции, то, во всяком случае, более или менее полную картину происходящего. Поэтому ещё одна попытка оценки событий, которые приковывают к себе внимание мировой общественности и которые так важны для судеб как самой страны, так и всего мира, - попытка понять истинный смысл этих событий - не должна считаться излишней.

Предлагаемая здесь с этой целью статья состоит из двух частей. В первой, написанной 17-18 лет назад в Советском Союзе, рассматриваются состояние советского общества и возможные пути его улучшения. Вторая, написанная сейчас, на Западе, является продолжением этого рассмотрения в свете происходящих в стране событий.

Публикация в качестве анализа советского общества материалов почти двадцатилетней давности не является в данном случае просто экскурсом в прошлое. Перечитывая их сейчас, со всей очевидностью убеждаешься, что увиденное и написанное тогда и там не могло бы в той же мере быть увидено отсюда и написано здесь. Когда воспринимаешь и постигаешь явление изнутри, каждой частицей своего существа, когда каждая мысль и слово выстраданы и пережиты, что называются, кровью сердца, то результат получается совсем иным, чем когда рассматриваешь явление, даже пристально и добросовестно, извне.

Конечно, живое свидетельство подвергается большей опасности оказаться субъективным - опасности, которой не избежало и написанное мною, почему и получило название "Субъективных заметок". Но хотя они носят на себе отпечаток авторской индивидуальности несколько больший, чем автору хотелось бы того сейчас, всё же их пафос и эмоциональный накал могут быть отнесены не только к его личности, но и к атмосфере того времени. В этом смысле "Заметки" видятся

мне свидетельством того времени.

Но если бы они были свидетельством только прошлого, то есть прошедшего, то вряд ли имело бы смысл привлекать их для разговора о сегодняшних событиях. Мне же "Заметки" представляются сегодня не менее, а даже более актуальными, чем в своё время - в силу тех явлений, которые лежат в фокусе их рассмотрения.

Когда не только замечаешь и ощущаешь, но и глубоко переживаешь язвы своего общества, то не можешь не попытаться добраться до их истоков, понять их, понять само общество, в котором живёшь. Чем пристальнее приглядывался я к окружавшему меня советскому обществу, чем глубже пытался заглянуть в него, тем более очевидной становилась для меня условность различных социальных и общественных структур, тем бледнее и расплывчатее становились границы, разделявшие его на сословия, ведомства, организации и пр., тем менее значительными становились факторы, определявшие жизнь его членов извне, но тем отчётливее проступали и приобретали главенствующее значение их морально-духовные признаки, назначавшие им ту или иную роль в обществе и группировавшие их в нём совершенно особым образом.

Так я пришёл к выводу, что, по большому счёту, не бытие (внешнее) определяет сознание (внутреннее), а как раз наоборот: именно то, что живёт в душе человека как его сознание и мораль, является, в конце концов, определяющим для жизни общества. Поэтому именно морально-духовное состояние советского общества я и подверг рассмотрению в "Субъективных заметках". Явления, которые я рассматривал, лежат не на поверхности, а в глубине человеческого бытия, и не так легко и быстро подвергаются воздействию поверхностных процессов в жизни общества - политических, экономических, социальных, культурных. Отсюда актуальность "Заметок" и для сегодняшнего дня.

Первоначально они предназначались для самиздата. Но поскольку мне пришлось заканчивать их уже с выездной визой в кармане, в самиздат я их решил не пускать - мне казалось неправильным, уехав, оставлять их за собой неким кометным хвостом.

В "Заметках" я обращался к своим соотечественникам - как к конкретным, известным мне лицам, так и к неведомым мне, но озабоченным, как и я, судьбами страны согражданам, существование которых я угадывал или предполагал. Выпуская их в свет теперь, на Западе, мне труднее прочувствовать их потенциальных читателей, да и жизнь российская не бьётся с прежней силой в каждой клетке моего существа. Но зато минувшие годы, расстояние, новый жизненный опыт ещё больше укрепили меня в тех позициях, с которых я рассматривал советское общество почти два десятилетия назад. Более того, я убедился в их универсальном, общечеловеческом характере - и с этих же позиций я попытаюсь взглянуть и на происходящее в Советском Союзе сегодня.

Субъективные заметки

Не остротой текущих событий продиктованы эти заметки, скорее наоборот - она мешала спокойному их написанию. Но вместе с тем эти события и подгоняли меня, ибо тесно связаны с предметом самих заметок.

Я пишу о том, что близко и дорого мне - о России и о евреях, а также - но лишь в связи с этим - о западном мире.*

** Двум последним темам посвящены соответственно II и III части "Заметок", не публикуемые здесь.*

Сознавая невозможность всестороннего исследования этих серьезнейших и неисчерпаемых тем, а также чисто субъективный подход к ним, я не ставлю себе целью решение затрагиваемых здесь проблем, но посчитаю свою задачу выполненной, если мне удастся привлечь внимание к ним.

I

Прогресс - не только один из самых ходовых терминов современной лексики, но и один из самых удачливых - за ним стоит конкретное содержание. Более того, он идол, бог современного общества, владеющий умами людей и собирающий внушительную дань с их творческих усилий.

Но божество это - двулико.

Во всём, что является делом рук и рассудка человека, как, например, в науке и технике, прогресс не только осязаем и очевиден, но и как бы предопределён на будущее, о чём с уверенностью может говорить любой школьник.

Там же, где это касается самого человека, его внутреннего мира, как, например, в вопросах нравственности и морали, человеческих взаимоотношений и т.п., являющихся, в конечном счете, определяющими для судеб человечества, никто не возьмётся определить, в каком направлении мы движемся, предсказать, что нас ожидает.

Но если верна схема, по которой для достижения лучшего будущего необходимо последовательно пройти три этапа - осознание, что настоящее плохо, желание его исправить, умение сделать это, - то мне хотелось бы проследить, каковы шансы советского общества на это будущее.

Когда руководители страны говорят, что опираются на моральное единство и поддержку советского народа, это не пустые слова. Можно говорить о глубине одного и искренности другого, о методах, которыми они были достигнуты, но

отрицать их наличие было бы абсурдом.

Главный признак этого единства - своеобразное равенство, которое дала советская власть своим гражданам - без различия пола, национальности, общественного положения и пр. Это равенство советских людей - в полном отсутствии самостоятельности мышления и внутренней свободы, в безликости и потере индивидуальности, в идентичности чувств и эмоций, короче - в превращении человека в общественное животное.

Отсюда - невозможность внутренней духовной жизни, безразличие к общечеловеческим вопросам справедливости, добра и морали, неприятие того, что лежит за пределами узкокорыстных интересов сегодняшнего дня.

А для надежного ограждения от всего "чужеродного", "лишнего" и удовлетворения при этом "духовных запросов"- оглушение себя чудовищными дозами общедоступных наркотиков: пьянством и сексом, каждодневной суетой и бытовым стяжательством, служебным энтузиазмом и карьеризмом, массовыми зрелищами и телевизором, детективами и газетами, спортом и даже искусством.

При этом - отсутствие идеалов, в которые верили бы, и моральных критериев, которым бы следовали, - и всё это в страшной атмосфере лжи и лицемерия. Причём ужасна не только привычность, обыденность лжи, а и невозможность говорить правду не только в силу запрета (кого этим удивишь!), но и потому, что это считается дешёвым позёрством, делом невыгодным, неумным и даже неприличным.

Если вопрос о путях и причинах, приведших нас к такому состоянию, мы можем адресовать в прошлое, то за сегодняшний и даже завтрашний день отвечать нам самим.

Абстрагировавшись от привычности нашей жизни и взглянув на себя со стороны, невольно задаёшься вопросом: как вообще возможно жить в затхлой атмосфере лжи, духовного паралича и насилия?! Оказывается - можно, и не только потому, что душа и тело давно приучены терпеть всё, на что изощряется ум. Дело тут в особых качествах нашего общества, которые делают его, в отличие от так называемого "больного общества", вполне "здоровым".

Известно, что непременным условием духовного здоровья личности (неважно, высокоорганизованной или примитивной) является некая внутренняя гармония, когда ум, чувство и воля живут в полном согласии. И если в этом вопросе человеческое общество позволительно сравнить с индивидуумом, то в наличии вышеназванной гармонии я вижу одну из причин существования нашего общества.

Ибо его "ум"- это те, кто, видя пороки и язвы нашей жизни, вполне к ним приспособились.

Его "чувство"- большинство, ведущее растительное существование, не подозревающее о наличии каких-то проблем и удовлетворяющееся самыми примитивными запросами.

Его "воля"- те страшные не числом, но нутром "нелюди", которые не только ведают о существующих зле и лжи, но и творят их, ибо это единственная питательная среда, где возможно их существование.

Итак, три эти "ипостаси" составляют некое целое, название которому - советское общество, и ни одна из них не несёт в себе зерна, способного дать новые всходы.

Не ждать же их от тех ("воля"), чьи чёрные посеы выкорчёвывать ещё не одному поколению!

И не от духовных кастратов с атрофированными мозгами ("чувство"), которых с одинаковой лёгкостью можно организовать как на требование свободы для далёких аборигенов, так и на массовую рубку голов, в том числе и собственных.

Не дадут их и приспособленцы ("ум"), которые образуют более сложное и менее однородное "сословие", однако разложение его на составляющие лишь наглядней демонстрирует их бесплодие:

- Прежде всего - это "нигилисты", которые, раз обманувшись, решили никогда и никому уже больше не верить, даже себе; на этом и успокоились, что не мешает им, однако, поставлять нашему обществу циничных карьеристов.
- Затем идут "рационалисты", объединённые лозунгом "такова жизнь". Эти в принципе не против правды и справедливости, более того - при них им было бы даже лучше, но ни шага в этом направлении они не сделают, ибо инертны, трусливы и держатся за своё положение. Здесь всё станет на место, если, исправляя смысловую неточность, французское "такова жизнь" перевести на русский "так жить удобнее".
- Но самыми отвратительными являются те приспособленцы, которые, выбивая себе максимум благ, не желают знать, на чём они основаны и из чьих рук получены. Им, видите ли, к успешной карьере надо пристегнуть приличный вид и душевный покой, что они и стараются делать, надевая маску высокомерия или идиотского непонимания.

Так что долго бы существовать этому обществу, сбалансированному внутри и мало подверженному внешним влияниям, если бы самое сердце его не тронула вдруг еле заметным налётом коррозия, уже грозящая ему и гибелью и неизбежным обновлением. Опасность эта исходит от ничтожного по сравнению с целым числа людей, несовместимых с советским обществом, чуждых ему, так как не могут и не хотят жить в его рамках. Не могут, ибо прежде моральных уколов почувствовали физическую усталость от лжи и лицемерия, ощутили симптомы удушья от его ядовитых паров. Не хотят, ибо стыдно и унижительно - за себя, за близких, за

страну - жить так дальше.

И сила этих людей не внешняя - в числе, организованности или в умении, а внутренняя - в моральной правоте, в правде мышления, наконец, в самом факте их существования - зелёной ветки в пустыне. Но она, эта сила, такова, что заставляет трепетать другую, которая в свою очередь держит в страхе весь мир. Другая сила - это режим советской власти со всей его колоссальной мощью.

Невольно возникает вопрос: не надумано ли сопоставление, а тем более противопоставление этих сил, да ещё с таким результатом?

Ответ на него не надо искать в области парадоксов.

Советский режим, какое бы он ни вызывал к себе отношение, обладает одним качеством, без которого ничто живое существовать не может, а именно - безошибочным чутьём смертельной опасности. Пример тому - чехословацкие события.

Ибо угрозу своему существованию советское руководство увидело не со стороны "американских империалистов", "западногерманских реваншистов" или "китайских шовинистов"- оно увидело её в чехословацких коммунистах, попытавшихся строить "социализм с человеческим лицом"- и совершенно справедливо! Поэтому вторжение в Чехословакию - вполне последовательный и смелый шаг советского руководства, более того - единственно для него возможный в такой сложнейшей исторической ситуации. Этот шаг потребовал большого мужества, так как не имея ни внешнего, ни внутреннего оправдания, кроме животного инстинкта самосохранения, он явился вызовом всему миру, поставил на карту всё и - оправдал себя в тот момент, чем бы в дальнейшем ни обернулась эта пиррова победа. Поэтому я бы крикнул режиму "Браво!", если бы не было такого слова - "Позор!"

Во всяком случае, подобная борьба за жизнь любыми средствами не может исходить от безнадёжного дистрофика, но в то же время она является и актом величайшего отчаяния, свидетельствующем о ещё жизнеспособном, но уже начинающем агонизировать организме.

Тем же чутьём, каким в решающий момент был подсказан самый опасный внешний враг, точно определён и внутренний. Поэтому всеми принципами и атмосферой своей жизни, её укладом и содержанием режим направлен против правды и живой мысли, а своими акциями - против их активных носителей, ибо правдомыслие в наших условиях неизбежно оборачивается свободо- и инакомыслием.

И вот что мы видим на деле: могущественная держава, занимающая одну шестую территории земного шара, обладающая колоссальным военным и экономическим потенциалом, владеющая в условиях тоталитаризма мощнейшим пропагандистским аппаратом, опирающаяся на десятки миллионов партийных функционеров и активистов, - эта держава испытывает такой страх перед

несколькими сотнями (если не сказать - десятками!) инакомыслящих, что не только не допускает открытый обмен мнениями, при котором можно было бы наголову разбить "отщепенцев", но зажав рот одним, а уши остальным, власти содержат аппарат подавления, пригодный для управления целыми континентами, а в обход существующих законов принимают специальные указы и постановления - и всё это против максимум одной стотысячной населения страны! Вот как велик этот страх, толкающий власти то на откровеннейшее беззаконие, то на озадачивающее порой бездействие.

Очевидно, что здесь вопрос не решается оккупацией, И России, возможно, предстоит стать ареной исторической битвы двух сил, представляющих крайние тенденции нашей противоречивой эпохи: стремлением авторитарной системы к подавлению миллионов на основе духовного конформизма - и смелым, отчаянным порывом одиночек к духовной свободе.

А внешняя несоизмеримость противников никак не решает исход этой битвы - он предопределён иным. И хотя он явится не столько результатом силы и опыта одного, сколько - слабости и обречённости другого, праздновать победу будет не "всесильный" колосс, гипнотизирующий сегодня мир своими габаритами.

Если же такой финал не только мыслим, но и желаем, то основная трудность заключается в том, как из сегодняшнего дня перекинуть к нему мост, из какого материала возвести его, чтобы он стал основой нашего возрождения.

Мы подходим к коренному и самому сложному для нас вопросу, ибо как бы ни было мало число людей, видящих зло, - а желающих его исправить и того меньше - не уверен, найдётся ли хоть один, знающий, *как* это сделать.

Но это - *наша* работа *сегодняшнего* дня, её не отложишь и не передашь другому, и как бы трудна и невыполнима она ни казалась, чем раньше приступить к ней, тем лучше.

Боюсь, что нашего жизненного опыта и знаний может хватить лишь на негативные суждения, что, вероятно, и необходимо в качестве первого шага. Я, во всяком случае, остановлюсь на тех из них, которые с моей точки зрения не могут быть основой нашего возрождения.

Прежде всего, это путь насильственного свержения режима - извне или изнутри (я говорю режима, а не правительства, ибо вряд ли найдётся в России серьёзно мыслящий человек, полагающий, что всё дело в руководителях, хотя сами по себе наши руководители очень уж неважные).

Что касается "изнутри", то даже синтез самой пылкой фантазии и сверхдерзкого авантюризма не может придать реальность подобной идее, поэтому нет смысла останавливаться на возможных последствиях её осуществления.

Что же касается "извне", то трудно предположить силу в современном мире, которая хотела бы, решилась и смогла, не вызвав мировой катастрофы, решить эту проблему. Но если бы и сложилась такая ситуация, при которой эта чисто гипотетическая возможность могла бы осуществиться, и при этом в стране был бы установлен самый что ни на есть прогрессивный режим, то это, с моей точки зрения, было бы очередной катастрофой для русского народа. И не только потому, что за эту "прогрессивность" было бы заплачено новыми потоками крови (не хватит ли её на этой земле?!), но и потому, что ничто, принесённое извне, а не выношенное, не выстраданное внутри, не может быть прочным.

Второй путь - экономический, имеющий два возможных направления. Некоторые считают, что экономические реформы, которые неизбежны и которые связаны с экономической свободой, неизбежно приведут к свободе политической; другие полагают, что крах нашей экономической системы неизбежен, а с ней - и политической.

Но все эти "неизбежности" кажутся весьма и весьма проблематичными.

Прежде всего, невозможно назвать какую-либо общественную группу, которая по-настоящему, жизненно была бы заинтересована в экономических преобразованиях. Более того, подавляющее большинство населения является их противником. Я имею в виду не только номенклатуру, присосавшуюся к телу страны и высасывающую лучшие соки, но и работающую массу, которую режим, отлучив от настоящего труда, приучил к безделью и халтуре, чем развратил её и поработил одновременно. И хотя эта масса ослабляет и подрывает режим экономически и морально, в политическом отношении она является его опорой, ибо чувствует свою неспособность, невозможность жить и работать иначе.

Жизненный же уровень советских людей, несмотря на подорожание и нехватку многих товаров, за последние четверть века несомненно поднялся, а нетребовательность и многотерпение русского народа являются в руках руководителей немалым резервом для его снижения. А если говорить об экономическом кризисе в целом, то в эту пропасть можно падать очень долго, но он один ещё никогда не преобразовывал общества.

Во всяком случае, трудно представить, да и, по правде говоря, как-то унизительно полагать, что путь к решению наших проблем лежит через голодный желудок.

Третий путь - политический - кажется более приемлемым из-за возможности следовать им, а также ввиду конкретности и реальности его целей. При этом имеется в виду соблюдение законности, большие конституционные свободы, возможность политической активности и т.д.

Требование, а тем более достижение этих замечательных предпосылок свободы делает честь борцу за них, но способны ли они одни помочь нашему обществу?

Трудно отделаться от впечатления, что выдвинув требование о соблюдении законности, мы стали жертвой стереотипности политических лозунгов. Мы как-то вдруг забыли, что наша конституция* - не результат победы демократических сил, а камуфляж диктатора и палача, что записанные в ней законы, прикрывавшие ужасающее беззаконие, явились данью XX веку в период, когда внутрисоюзное время уже полным ходом летело вспять. Теперь же, когда духовные наследники прошлого пытаются идти со временем в ногу, неизбежно обнаружилась оплошность того, кто "всё предвидел". Поэтому неудивительно, что некоторые законы представляют большое неудобство для современных руководителей, и совершенно естественно их желание найти в них лазейки, обойти или просто нарушить. Но нам ли, стремящимся к внутренней правде, ловить их на слове? Сознавая, что лицемерием было принятие законов, а не их нарушение, и принуждая при этом органы советской власти к их соблюдению, то есть к непоследовательности и лицемерию, мы ведём себя недостойно. Да и вообще упование на предписанные к исполнению законы напоминают мне надежды посредственного ученика на строгого учителя. Надо ли напоминать, что мы живём в эпоху, когда не хорошие законы делают людей хорошими, а наоборот, и уж во всяком случае преобразование человеческого общества надо начинать не с надевания узды на его членов.

**Здесь имелась в виду "Сталинская конституция" - "основной закон" советского общества.*

Требование широкого "народного" участия в управлении страной уже с успехом осуществляется советской властью: когда к управленческой бюрократической машине "прикрепили" общественность, то оказалось, что ею и руководить не надо, так синхронно она работает в общем ритме (а как же иначе - общественность-то из того же общества!). А, к примеру, будет ли вести судебное разбирательство "тройка", народный суд, суд присяжных или заменяющий их простенький компьютер, разница скажется лишь в потреблении электроэнергии.

Или важнейший фактор общественной жизни - гласность, которую считают чуть ли не панацеей от всех наших зол. Но если взять даже западный мир, то разве наличие гласности там само устраняет зло и пороки, разве оно спасло мир от прихода фашизма, евреев - от катастрофы, а Чехословакию - от предательства? А у нас, когда факт оккупации Чехословакии стал общеизвестным (а ведь суть его сначала по привычке хотели скрыть), что же наша общественность? Молчала? Ни-ни! "Надо было раньше!" - заявила она, и это по принципиальному мировоззренческому вопросу! Так что гласность сама по себе ещё не всё, неплохо бы при этом иметь и уши, которые могли бы не только слушать, но и слышать.

А по поводу сетований на отсутствие у нас многопартийной системы можно с уверенностью сказать, что если бы и пришла в голову руководителям КПСС блажь побаловаться чем-то вроде "народного фронта", то это мероприятие вряд ли отличалось бы по существу от разукрупнения колхозов или от преобразования

министерств в совнархозы.

Вообще же о партиях, как об общественных институтах, хотелось бы поговорить подробнее. Призванные - по замыслу - объединять единомышленников, они фактически ведут к разобщению людей. Ибо что такое единомыслие, как не искусственное принижение, примитивизация человеческого духа и подчинение его скоротечной конъюнктуре текущего момента! Особенно в наше время, когда классовые, расовые и другие битвы принесли человечеству столько горя, когда пробуждается стремление людей преодолеть узкие рамки региональных кланов и подняться до высот общечеловеческих задач, а расслоение человечества становится всё более явным по высшей мерке - на гуманистов и антигуманистов, - партии вырывают людей из рядов человечества, группируя своих членов не на основе общности интересов всех людей, а на их различии.

Поднявшись на определённую ступень духовного развития, человеческая личность становится таким сложным феноменом, что его не втиснуть ни в один идеологический корсет. Партиям всё труднее отвечать и своим утилитарным целям - решению практических задач. Это происходит потому, что развитие индивидуальной свободы привело к столь большому различию во взглядах и по чисто практическим вопросам даже в пределах первичной ячейки одной партии, что если быть последовательным на пути политической свободы, мы придём к тому, что каждый человек вынужден будет образовывать партию, состоящую из него одного. Но партийные лидеры не последовательны, вот почему во всём мире слышны призывы к единству. Эти призывы - к внутрипартийному конформизму - абсурдны, а их осуществление принесло бы не только моральное зло, но и реальный вред, потому что единое следование традиции, уставу, программе почти всегда является тормозом в практической деятельности.

И если система партий так прочно утвердилась в общественной жизни, то не потому, что является потребностью человеческого духа. Партии для одних - дань стадному чувству, страху оказаться вне общей массы, идеологически свободными ("неохваченными" в переводе на советский); для других - это вид деятельности, необходимая, увлекательная, порой рискованная игра для взрослых (надо ли приводить примеры катастрофических последствий этой "игры"?).

Таким образом, ни один из перечисленных путей - насильственный, экономический или политический - не ведёт к нашему возрождению, хотя, вероятно, каждому отведена своя роль в грядущих событиях.

Так где же выход?

Как бы ни было велико желание получить полный и однозначный ответ, его невозможно дать и в более скромном виде, не попытавшись прежде понять, в чём причина зла и мерзостей, окружающих нас, откуда они...

Но где тот гений, проникающий своим духом в судьбы человечества от истоков

бытия до грядущего, который способен ответить на эти вопросы?

Мы же, чтобы как-то состыковать день сегодняшний со вчерашним, собираем обломки фактов, валяющиеся у нас под ногами, пытаюсь составить нечто, что было бы не стыдно назвать историей.

Но и это оказывается достаточным, чтобы при беспристрастном подходе к событиям дать им оценку, соответствующую их номинальному значению. Порой не специальные знания и углублённые исследования, а лишь внутренняя честность и добросовестность нужны для преодоления преград, поставленных нам нашим врождённым мировоззрением.

Примером такой преграды служит вопрос: случайны ли те последствия, к которым привела нас борьба за бесклассовое общество? Для многих советских людей, пытающихся как-то осмыслить действительность, он является камнем преткновения, наткнувшись на который, их мыслительный аппарат начинает работать вхолостую.

Даже не прибегая к всестороннему исследованию этого вопроса - одним лишь здравым смыслом невозможно принять такую случайность, которая бы вдруг (!) превратила строительство "самого справедливого в мире общества" в кровавую баню, а страну и народ привела бы к состоянию, в котором мы сейчас находимся. И если я затронул вопрос о "случайности" подобных катаклизмов, то лишь с целью предостеречь от элементарных ошибок, остановить тех, кто из добрых побуждений готов пустить историю по кругу. Мне хочется раздвинуть мыслительные горизонты людей, ещё не знающих, что лучшие побуждения и искренние намерения далеко не всегда приводят к правде и добру, по которым мы так соскучились. Поэтому так важно не только понять происходящее, но и найти причины происшедшего.

Но какие бы объяснения ни давать ему, я далёк от мысли сваливать наши беды только на какие-либо теории, на отдельных личностей или на другие внешние факторы, хотя каждому из них должно быть отведено надлежащее место в истории. Как бы ни было справедливо и отрадно найти конкретных виновников, *для нас* самый главный виновник всех зол - *мы сами*, ибо всё происходившее делалось над нами, с нашим участием, делается нами сегодня.

Но вот это-то многие не могут и не хотят понять. Уже готовы допустить ответственность каждого человека за судьбы страны и мира - абстрактно, но почувствовать себя лично ответственным - невозможно. А ведь речь идёт не о физической ответственности за какие-то конкретные деяния, никому в голову не придёт мысль о необходимости разделить её с преступниками (хотя сколь же немногие решаются громогласно отмежеваться от них!). Я имею в виду моральную ответственность, когда в стране создаётся атмосфера, при которой подобные деяния возможны, ибо каждый человек является носителем нравственного потенциала, сумма которых образует моральный климат общества. Но честно, непредвзято заглянуть в себя самого оказывается невыносимо трудным, потому что

сделав это, человек увидит в своей душе отражение окружающих его мерзостей, а в них - себя. Но подумайте, откуда нам быть другими? Не эта ли среда взрастила нас, не её ли соками мы питаемся от рождения, не ею ли одной ограничен наш духовный мир?

Или невероятным напряжением душевных сил и воли мы вырвались из её оков, нравственно очистились и поднялись на вершину человеческого духа? Нет, самое большее, на что хватило лучших из нас, это, увидев язвы вокруг, найти их и у себя. А ведь обнаружить болезнь - не значит выздороветь... Лечиться надо, иначе исход может быть печальным не только для нас лично. Чешские события являются в этом отношении печальным, но ярким примером, когда руководители страны, люди безусловно честные и смелые, оказались не только тормозом на пути своего народа, но в самый решительный час его истории фактически стали, как это ни горько писать, предателями, предавшими свой народ и дело, которое сами начали и за которое были готовы пожертвовать жизнью. Эта трагедия произошла потому, что чешские руководители были замешаны на тех дрожжах, которые не позволили им в ответственный момент подняться до уровня выпавшей на их долю ответственности - урок слишком серьёзный, чтобы о нём забыть.

Так и нам суждено падать на каждом историческом повороте, если мы не найдём для себя точку опоры там, где обрели её лучшие из людей - в себе самих. Нельзя более оставаться глухими к их призывам, а самим лишь стенать над последствиями мировых катастроф, порождённых и нами - нашей душевной ленью, невежеством, малодушием... Пойти же путём преобразования собственной личности мешают предубеждения, вызванные его кажущейся несвоевременностью и бесполезностью. А преодолев их, мы останавливаемся уже в самом начале, не умея сделать и первых шагов.

Но не будем взывать о помощи к великим учителям рода человеческого - их дыханию здесь нет простора, а мысли - опоры. Нам, советским людям, начать бы со скромных бабушкиных поучений, с книжек для дошкольников: не лгать, не делать гадостей, быть добрым, смелым, принципиальным и т.п. - снова с того, с чего иные народы начинали тысячелетия назад (раннее начало, увы, было не векселем на будущее, а бременем ответственности, которое не всем оказалось по силам). Но по плечу ли нам и это? Уже заранее слышны стоны усталости и вопли недовольства - и не зря: здесь требуются собственные усилия, а ведь не привыкли - привыкли по течению, приучены в упряжке.

И какой бы эта работа ни казалась трудной, обретение положительных душевных качеств - лишь первый шаг на пути становления личности.

Затем необходимо освободить дух, раскрепостить мышление, обрести внутреннюю свободу. Этот процесс настолько сложный, интимный и индивидуальный для каждого человека, что я решаюсь лишь указать на отдельные препятствия, стоящие здесь перед нами. Прежде всего - это шаблонность и инертность мышления, неспособность, даже в случае краха собственных идей, выйти за пределы

привычных представлений. А этому в свою очередь в значительной степени мешает страх, причём страх двух видов. Первый вид - это примитивный физический страх наказания за разрыв с официозом. Он так понятен, этот страх, но как он опасен, в какую ловушку загоняет он человечество! В наше время, когда современные технические средства позволяют немногим управлять всеми, контролировать поступки и - завтра мысли людей, физический страх не только опасен последствиями полной деградации человека, но он создаёт контуры того страшного общества, о котором мы пока ещё только читаем в фантастических романах. И каждый человек должен ощутить, что отношение к коренным вопросам правды, добра, морали - не только его личное дело. Отказываясь из-за страха мыслить и действовать правдиво, он от имени человечества капитулирует перед ложью и злом, содействуя их победе, и наоборот, силой своей свободной мысли поднимает человечество над царством страха и зла.

Но если физический страх многие преодолели, то страх перед новым, неизвестным, непривычным оказывается более трудным препятствием. Настолько трудным, что человек предпочитает порой заниматься какой угодно другой деятельностью, причём куда более опасной, грозящей ему лишениями, тюрьмой, сумасшедшим домом - только бы не оказаться перед необходимостью самому, лично искать путь к правде.

Но нам ли бояться потерять точку опоры, которой давно уже нет, нам ли бояться сделать шаг в неизвестность, когда известность так мерзка?

А решившись на поиск нового, невольно цепляемся за самое близкое и доступное, то есть за то самое вокруг себя, что так надёжно замуrowало нас в герметичный духовный склеп. И нам суждено задохнуться в нём, если у нас не хватит смелости и силы пробить его стены и обрести духовную свободу.

Мешают этому не только страх и не критичность мышления. Современный человек, избалованный автоматизацией и высокими скоростями, лишь тогда берётся за дело, когда уверен, что устраивающий его результат может быть получен быстро и наверняка. Отсутствие же такой уверенности, как и положительной веры вообще, приводит к некоему духовному нигилизму, когда существование чего-либо позитивно-нового считается невозможным, а поиск его - бессмысленным. Хотя подобный нигилизм и объясним как своеобразная реакция на последствия мировых кризисов, он является несомненным признаком ущербности личности и ведёт лишь к дальнейшей её деградации.

К тому же приводит и духовный инфантилизм, вследствие которого человек впадает в состояние беспомощности и отчаяния, обнаружив вдруг, что ничто не служит уже ему опорой и никто не поддерживает больше его под локти. Мечущийся в поисках нового знамени, под которое можно стать, нацепив его вместо старого на то же древко, он безысходность своего существования скрашивает лишь надеждой на помощь, которую готов принять хоть от дьявола, но только не от самого себя, да мечтой о вожде - сильном, умном, честном, чтобы

поверить и полюбить его, не себе - *ему* - отдать лучшие человеческие качества, а заодно и себя самого, а уж *он* научит, поведёт, укажет...

"А что я могу сделать один?" - раздаётся со всех сторон, и сливаясь в общий хор, этот вопрос громом сотрясает небеса. Им бы услышать друг друга, но где там - глухи... Поэтому хочется крикнуть в каждое ухо: А что вы, собственно, понимаете под "сделать"? Немедленные оздоровительные мероприятия? Так не только вы, да ещё в наших условиях - люди куда более целеустремлённые, хорошо организованные, в условиях легальности, свободы и прочных демократических традиций и то бьются десятилетиями, добиваясь общественных реформ. Но я-то, кроме подобных, безусловно необходимых преобразований, имею в виду другое, более важное, что каждый может и должен делать сам: преобразование собственной личности - и при этом нельзя сказать, кому оно удастся лучше - академику или крестьянину!

Вот работа сегодняшнего дня, работа на будущее, и эту задачу надо постоянно иметь перед собой, какое бы занятие ни послала тебе судьба - пахать землю или стрелять. Без этой осознанной цели и плуг может стать орудием смерти, а с нею - стреляющий никогда не станет убийцей.

Нет занятия более бессмысленного, чем построение какого-то будущего человеческого общества, нарисованного нашей убогой фантазией. Будущее общество будет строить будущий человек, которого мы создаём сегодня, и ещё неизвестно, как он удастся нам. Так что наша задача - работать в направлении будущего, а не предсказывать его.

А затраченный труд и результаты будут стоять друг друга. Сам процесс по созданию высоконравственной, свободомыслящей личности - есть ли работа на земле более возвышенная! - сам процесс даёт такое удовлетворение, что является лучшей наградой.

Раскрепостив свой дух, человек обретает внутреннюю свободу. Он больше не зависит от беспорядочности внешних событий, которые дёргали его, как театральную куклу, в разные стороны. Он сам теперь хозяин им, он хозяин жизни, он знает её закономерности и задачи, и его деятельность гармонично вписывается в работу рода человеческого. Но он - не только для себя. Его личность поднимает моральный уровень его народа, нравственно очищает атмосферу вокруг него. Он протягивает руку помощи тем, кто ещё в пути или не начал его, всем, чей труд в той или иной мере помог ему подняться. Он освобождает народы, поработанные от его имени, и вместе с ними как бы вновь обретает свободу. Он духовно един с себе подобными. И силу свою ощущает изнутри, как моральную власть имущий, а не догадывается о ней по числу тюрем, которые теперь не страшны ему.

Вот задача, достойная человека и ему лишь посильная!

И если я ещё и ещё раз говорю об этом, то только потому, что меня беспрестанно

мучит вопрос, сможем ли мы стать теми новыми мехами, в которые должно влиться новое вино - а оно уже бродит!

А если не мы, то кто же? Не могли же мы пройти Дантов путь только затем, чтобы унавозить эту землю! Это было бы слишком большой победой над нами того, для чего сегодня у меня даже нет имени - грядущие поколения найдут ему подходящее определение, сделав его нарицательным, но не дай им Бог аналогов.

Но если сегодня никуда не деться от реальности его бытия, то и печать его обречённости - тоже не моя выдумка: она в алогичности и аморальности его деяний; в его игрушечной экономике; в общественной жизни, поддерживаемой инъекциями кампаний и лозунгов; в несоизмеримости военной мощи и внутренней безжизненности; в лжи и безверии его граждан; в бездарности его руководства; в его идеологах, всегда знающих, что должны делать другие, но только не они сами; наконец, - она в необратимости исторического развития.

Всё сказанное здесь вовсе не означает, что я предлагаю кому бы то ни было ограничиться ролью стороннего наблюдателя на проводах режима в последний путь. Я лишь хочу, чтобы подталкивая его в спину, никто не канул вместе с ним в небытие, а удержавшись, был настолько очищен от скверны, чтоб ни частицы её не передалось потомкам.

Сентябрь-октябрь 1970 г./апрель- май 1971 г.

* * *

Вот таким виделось мне советское общество в начале семидесятых годов - безжизненно-бесплодным внутренне и карикатурно-уродливым внешне, не способным ни к каким серьёзным изменениям и улучшениям и даже не помышлявшим о них. Источником любых изменений, улучшений, преобразований, да и самой жизни общества является человек, его свободные творческие импульсы, находящие выражение и в общественном устройстве жизни. Этот источник в Советском Союзе был начисто подавлен, а вместо него на страну был надет жёсткий административно-идеологический каркас, регламентирующий каждый аспект жизни как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Это и привело к их теперешнему состоянию, которое многим казалось и кажется безнадежным.

Но в этом мёртвом царстве мне увиделось нечто живое, которое сумело уцелеть или возродиться и с которым я связал свои надежды на будущее. Это живое - внутреннее неприятие лжи, зла и насилия и нравственный порыв к правде, добру и справедливости. Только эти импульсы, пусть пока ещё немногочисленные и слабые, способны дать толчок к индивидуальному и общественному возрождению, ибо они несут в себе здоровые, эволюционные силы жизни.

Именно из этих импульсов в середине шестидесятых годов в Советском Союзе родилось единственное независимое общественное движение, которое выдвинуло и

попыталось осуществить ряд общественных требований. Безусловно разделяя и поддерживая требования общественных преобразований, так необходимых для советского общества, я вместе с тем ясно видел, что эти внешние преобразования мало что изменят в жизни большинства людей без преобразований внутренних, без преобразования самих людей.

Конечно, такие преобразования невозможно осуществить с помощью общественных реформ или каких-либо массовых мероприятий. И достигаются они не так быстро и не принимают таких чётких форм, как преобразования общественные. Но индивидуальное и общественное осознание необходимости таких внутренних преобразований и создание предпосылок и благоприятной морально-общественной атмосферы для их осуществления должны если не предвосхищать, то по крайней мере сопровождать любые общественные преобразования - только тогда они могут быть по-настоящему успешными.

Вот эта мысль, то есть примат внутреннего над внешним в жизни и развитии общества, и составила главный пафос российской части "Субъективных заметок". Но в то время это был воистину глас вопиющего в пустыне - в пустыне общественной жизни страны. Теперь же ситуация изменилась. Если за последние двадцать лет о необходимости общественных преобразований говорили - и по мере сил, несмотря на суровые преследования, боролись за них - лишь те, кого называли диссидентами, то теперь в этой роли выступает никто иной, как сам верховный руководитель страны. В этом смысле можно сказать, перефразируя известное изречение, что "диссиденты разбудили Горбачёва". А заодно и общественную жизнь в стране. Сегодня общественные преобразования - не далёкая мечта, а реальность, они на повестке дня жизни страны, они проводятся её руководством. Поэтому вопрос о их соотношении с преобразованиями внутренними становится сегодня особенно актуальным. Что же в этом смысле происходит в стране? Как нам расценивать то, что делает сегодня Горбачёв? И что он может и что должен делать, если целью его является возрождение страны и народа?

Над вопросом о возможностях руководителя страны изменить существующее положение мне впервые пришлось задуматься много лет назад, что было вызвано не совсем ординарными обстоятельствами. Однажды, при очередном допросе в КГБ, раздосадованный настойчиво повторяющимися упреками следователя в подрывной деятельности "нашего круга", я воскликнул: "Да задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что бы мы сделали, если бы пришли к власти?" В ответ на этот чисто риторический вопрос следователь сослался на бодливую корову из поговорки, я же после этого вдруг сам решил попробовать ответить на вопрос о том, что бы я действительно делал в качестве главы нашего государства. Такая мысленная постановка себя на место другого всегда очень полезна, какой бы нереальной она в действительности ни была. Но в данном случае я очень быстро пришёл к другому вопросу: а что я мог бы *реально* сделать? И чем больше я размышлял над этим вопросом, тем яснее осознавал, сначала даже с некоторым изумлением, что *реально* я (глава советского государства) мог бы сделать очень

мало.

Это может показаться неправдоподобным: в стране накопилось такое количество зла, абсурда, несправедливости, что куда ни ткни, где ни копни - везде попадешь в больное место, которое надо излечить, исправить или удалить - и чем скорее, тем лучше. Всё это так, но когда приглядишься поближе к больному телу страны, тогда обнаруживаешь, что каждая такая болезненная точка не локализована, не изолирована от других таких же и от всего целого, что невозможно успешно исправить что-то одно, что нужны кардинальные перемены. А они зависят не только от тебя самого и твоих единомышленников, а от всех тех, кого эти перемены касаются, то есть от всего населения страны. Точнее - от его сознания, от его понимания истинного положения вещей, от его осознания необходимости перемен и от готовности и способности провести их. И тут я оказался в тупике, ибо передо мной, вокруг меня было то советское общество, которое я описал выше.

Конечно, силой своей власти я бы попытался провести те или иные безотлагательные мероприятия, сознавая при этом свою изолированность от общества и то, что сути вещей эти мероприятия не изменят и что, скорее всего, сделанное мной вернется, в конце концов, к своему исходному состоянию. Короче, окажись я со своими взглядами и намерениями в роли главы государства, я бы тем самым оказался в отчаянном положении.

Разумеется, проделанное мною мыслительное упражнение является большой натяжкой, ибо никакие реальные силы не могли бы вдруг посадить в кресло генсека КПСС человека моих воззрений - в реальности связь занимающего такой пост с выдвинувшими его силами и со всей структурой общества гораздо более органична. И если время для реформ не созрело, ни один реформатор не окажется у власти - или же не удержится надолго на своём посту (я уверен, что судьба Горбачёва явится подтверждением правильности этого утверждения). Да и мне самому теперешняя ситуация не кажется полностью безнадежной, о чём речь будет ниже. Но в данном случае всё это сути дела не меняет - серьёзный реформатор-глава государства оказывается лицом к лицу с описанным выше комплексом проблем, которые независимо от него и его намерений объективно присутствуют в советском обществе и которые суть: государственно-общественное устройство, находящееся в резком противоречии с реальностью и требованиями жизни, и сознание и ментальность людей, порождённых и порабощённых этим устройством. Поэтому успешность его деятельности зависит прежде всего от того, как он видит этот комплекс проблем и как предлагает решить, как решает их.

Что же в этом смысле можно сказать о Горбачёве, вернее, что он сам говорит и, главное, делает - *на своём собственном месте*? В отличие от предыдущих советских лидеров, он не только ясно видит и признаёт то трудное положение, в котором оказалась страна, не только полон решимости исправить его, но - что особенно важно в плане нашего рассмотрения - указывает на два направления, в которых должны проходить изменения: внешнее - перемены общественные, и внутренние - перемены в мышлении, психологии человека. Более того, он даже

говорит о необходимости построения международных отношений на общечеловеческих морально-этических принципах.

Опять же, в отличие от других советских руководителей, Горбачёв не ограничивается словами, а подкрепляет их делами, совершающимися под тройственным лозунгом перестройки, гласности, демократизации. Как бы к этим переменам ни относиться, нельзя не признать их определённого воздействия, если не на жизнь страны, то на сознание людей. Но это та именно точка, в которую и Горбачёв целит, и с которой, как мне это видится, и надо начинать любое общественное преобразование. Поэтому воздействие того, что делает Горбачёв, на сознание людей нам и предстоит рассмотреть.

Одной отправной точкой такого рассмотрения является сознание советских людей как объект воздействия того, что исходит от руководства Горбачёва. К сожалению, такого рассмотрения я провести не могу, так как оно должно быть сделано изнутри, из самого объекта, как я это делал в своих "Субъективных заметках". Ссылки же на вторичные источники - на прочитанное, на опыт и наблюдения других - при всей их достоверности не могут заменить личного свидетельства.

Но я могу избрать другое направление - от деяний горбачёвского руководства к сознанию людей, то есть взять за основу эти самые деяния и попытаться выявить, до какой степени они несут в себе потенциал, способный воздействовать преобразующим образом на сознание людей и на общественные процессы в стране. Для этого нет необходимости проводить детальный анализ тех или иных конкретных заявлений, постановлений или мероприятий нового советского руководства. Главное - увидеть их фактическое содержание, понять их общую суть, смысл и значение.

Все эти новые мероприятия, несмотря на их разнообразие, обладают одним общим признаком: они подаются не в сыром натуральном виде, а в виде полуфабрикатов или даже готовых продуктов. Будучи новыми, они конечно вынуждают потребителя научиться обращению с ними - что он и сделает со временем с помощью приложенных инструкций, - но его творческие силы, его фантазия и инициатива остаются в основном незатронутыми новым ассортиментом.

Взывая к переменам в мышлении и психологии человека, Горбачёв не только не идёт дальше деклараций, то есть не создаёт зависящих от него условий для таких перемен - это было бы ещё полбеды, - но говоря о "новом мышлении", он имеет в виду нечто совершенно определённое, а именно то, что должно воспринимать и осуществлять предлагаемые им изменения. Но ведь это не новое мышление, а в лучшем случае новый набор идей, что далеко не одно и то же: мыслить - по-новому, то есть свободно - человек может и должен только самостоятельно, для освоения же чьих-то идей нужны лишь хорошая память и соответствующий навык.

Интерпретируя такие понятия как мышление, психология человека, общечеловеческие морально-этические принципы в узкоутилитарном,

соответствующим его перестроечным целям смысле, он не придаёт внутреннему развитию человека самостоятельного, самоценного значения. В процессе перестройки оно призвано играть такую же вспомогательную роль, как ряд других нововведений, например, гласность и демократизация, которым он тоже очертил заранее чёткие границы.

Я в данном случае говорю не о политическом аспекте таких явлений как гласность и демократизация - тоже очень важным, - а об их значении для свободного внутреннего развития личности. Сами по себе они такого развития не обеспечат - я об этом писал ещё в "Заметках", основываясь на опыте жизни при полном отсутствии гласности и демократии; могу засвидетельствовать то же самое и сейчас, живя в условиях почти максимальной гласности и демократии. Но их наличие создаёт благоприятные условия и атмосферу для свободного развития личности. То же, что сегодня существует в этом смысле в Советском Союзе, ещё очень далеко от обеспечения этих важных предпосылок. А ведь этим предпосылкам ещё предстоит разбудить то, что в течение десятилетий спало мёртвым летаргическим сном.

Но если все эти факторы в глазах, или скажем - в делах, Горбачёва являются второстепенными, вспомогательными, то что же является основным? Очевидно, что острей перестройки направлено в одну точку - в экономику. Оно и понятно: экономические проблемы являются для большинства людей, включая руководство, самыми болезненными, самыми очевидными и самыми безотлагательными. Но парадокс, или лучше сказать - реальность жизни, заключается в том, что с точки зрения их решения они не являются главными, основными проблемами общества и могут быть успешно решены, лишь заняв своё истинное место в контексте общественных преобразований.

Принять это нелегко в любом обществе, особенно же в советском, где состояние экономика не просто бедственное и кризисное, а, если можно так выразиться, антиэкономическое. Поэтому введение её хоть в мало-мальски экономическое русло представляется первоочередной задачей. Но даже в этом случае то, что делается сегодня для её решения, не способно, с моей точки зрения, заложить прочные экономические основы.

И дело тут не в том, что те или иные мероприятия по сути своей являются ошибочными или малоэффективными. Сами по себе или в других условиях они могут быть вполне правильными и даже необходимыми, но их экономическая эффективность в значительной степени снижается условиями советской жизни и тем, как эти мероприятия проводятся.

Прежде всего условия и уклад советской жизни не способствуют никаким нововведениям, направленным на её улучшение и оздоровление. Поэтому новые экономические мероприятия сразу же попадают во враждебную среду и натываются на многочисленные препятствия, не дающие им развернуться в полную силу. Но их эффективность значительно занижена уже и на начальном

этапе: они спускаются сверху спелёными различными административно-идеологическими ограничениями - точно так же, как и другие нововведения, о которых мы говорили выше.

Но, пожалуй, главная причина неэффективности этих мероприятий состоит именно в том факте, что они *спускаются сверху*, то есть не рождаются из самой жизни, органично, а вводятся в неё *административно*. Мне могут возразить, что, во-первых, эти мероприятия и являются ответом на поставленные жизнью проблемы, во-вторых, преобразования, касающиеся всей страны, только и могут быть проведены централизованно. Для многих это является самоочевидным, и вместе с тем здесь содержится серьёзное заблуждение.

Это заблуждение состоит в представлении, что экономикой, экономической жизнью страны должно руководить государство, правительство. Но государственно-политическая и экономическая - совершенно разные сферы жизни, природа действующих в них сил и процессов разная, они функционируют на основе разных принципов и законов и потому должны быть автономны и независимы друг от друга. Именно правительственное, то есть административно-идеологическое вмешательство вызвало кризис советской экономики, создало серьёзные экономические проблемы. Но решить эти проблемы тем же, то есть административным путём, нельзя. Единственное, что может и должно сделать руководство страны - это создать административно-общественные условия, благоприятные для решения экономических проблем и нормального функционирования экономического процесса. Решать же эти проблемы и налаживать экономический процесс могут и должны только те, кто непосредственно в нём участвует - в соответствии с собственным жизненным опытом, знанием своего дела, конкретной рабочей ситуации и местных экономических условий, а главное - по своей инициативе, руководствуясь собственными импульсами и целями.

Источник же сегодняшних экономических преобразований - не сам исполнитель, его сознание, его осознание происходящего, а административное решение стоящего вне экономического процесса руководителя. Стоят ли за этим решением партийно-государственный аппарат, или сам Горбачёв, или его умные, компетентные и добросовестные советники, суть происходящего остаётся той же: отсутствие органичной связи между тем, что человек должен делать, и тем, что живёт в нём как его сознание и волевые импульсы. А именно такая связь является залогом и основой успешного экономического процесса.

Вообще администрирование является одним из самых глубоко укоренившихся и самых пагубных наследий прошлого. Административные меры являются наиболее доступными и привычными, да, по сути, никакие другие пути решения проблем и неизвестны в стране - ни начальникам, ни подчинённым. А у советских руководителей всех рангов существует какая-то мистическая вера во всесильность этих мер, проистекающая, вероятно, от ощущения полноты своей власти. Для того чтобы расстаться с иллюзией, что с помощью власти и силы всегда можно

получить желаемые результаты, вовсе не обязательно проходить через мучительный афганский опыт. Эту истину можно постичь легче и у себя дома, приглядевшись хотя бы к самым перестроечным событиям.

На многих производит большое впечатление демократизм и решительность действий, которые проявляют новые советские руководители, самолично выезжая на места и призывая к ответу местное начальство за обнаруженные недостатки. Одну из таких сцен, заснятую на видео, я показал своим английским студентам: Ельцин, окружённый толпой москвичей и репортёров, посещает гастроном и устраивает разнос продавцу или заведующему за плохое качество мяса. Не только москвичи, но и мои студенты были впечатлены действиями Ельцина, выступившего в качестве защитника интересов простых людей против нерадивых или своекорыстных работников торговли.

Ничуть не умаляя личных качеств и лучших намерений Ельцина, я всё же должен был сказать студентам, что ничего нового в этих его действиях нет: лет за пятьдесят до него другой советский руководитель, Постышев, делал то же самое, только инкогнито, без зрителей и репортёров. Но потом я спросил студентов, могут ли они представить себе подобную сцену в Англии и госпожу Тэтчер или кого-нибудь из министров, выговаривающих продавцу или владельцу магазина за то, что в продаваемом им мясе больше костей, чем мякоти. Студенты ответили мне дружным смехом.

Нелепость и бессмысленность таких административных мер становится вполне очевидной при первом же сравнении советской системы с западной. Кто-то назвал западное общество нормально плохим - в отличие от советского, ненормального и абсурдного. И действительно, состояние западного общества отражает уровень сознания и внутреннего развития человека, то есть его природу, каковой она на сегодняшний день является. В экономике это, в частности, выражается двояко: к товарам и услугам, которыми пользуются миллионер или глава государства, имеет доступ любой человек, но цены на них делают их доступными далеко не всем - и это несовершенство точно отражает несовершенство человеческой природы.

Анализ недостатков западного общества почти всегда приводит к этому источнику - человеческой природе, уровню сознания людей. В советском же обществе на этот источник накладывается другой - искусственно созданная государственно-общественная система, которая подгоняет под себя природу и сознание человека. Это делает задачу общественных преобразований в Советском Союзе особенно трудной. Но она окажется вообще невыполнимой, если эти преобразования направляются не против истоков, причин болезни, а против её симптомов - в этом случае и причины, и сама болезнь загоняются лишь ещё глубже внутрь.

Произвол, коррупция, воровство, бюрократизм, бесхозяйственность, безделье, халтура, пьянство, привилегии, дефицит и т.д. и т.п. - это всё симптомы, а не причины. Но создаётся впечатление, что тяжёлая артиллерия нового советского руководства - перестройка, гласность и демократизация - бьёт именно по ним, что

его основная деятельность состоит в попытке административно ликвидировать отрицательные симптомы и тем же путём создать положительные. Но такая деятельность не пробуждает сознание людей, а лишь возбуждает его, не давая ему достаточно пищи, простора и свободы для того, чтобы оно могло пробудиться, набраться сил, зажечь самостоятельной жизнью.

А мероприятия, даже самые прогрессивные, вводимые при зажатом, придушенном сознании, никогда не дадут полноценных результатов. Конечно, и при этих условиях возможны изменения и улучшения, простая приостановка, даже частичная, десятилетиями творимых безобразий, разрушений и абсурдов уже есть благо. Возможно, теперешние преобразователи и не намереваются или не могут пойти дальше этого. Но если целью Горбачёва является действительное возрождение страны и народа и если пока что оно совершается несостоятельными средствами, то неизбежно возникает вопрос: что же он должен делать для этого возрождения?

Каждый исторический период, каждая эпоха в эволюции человечества содержит в себе нечто, называемое "духом времени", или "требованием дня", или "исторической необходимостью". Это нечто выходит за рамки какого-либо географического или национального региона и хочет выразить себя в человеке, человечестве как таковом - в качестве того, что соответствует данному этапу его развития. Естественно, что этот элемент проявляет себя по-разному в разных странах и у разных народов, не говоря уже об индивидуумах, но его присутствие как бы ощущается в воздухе, хотя и не всегда находит отражение в сознании и поступках людей.

Примером, когда такое отражение имело место в глобальном масштабе, может служить "Всеобщая декларация прав человека", провозглашённая ООН в 1948 г. В ней нашло своё выражение то, как современный человек ощущает себя и своё место в обществе, в государстве, в мире. Суть этого ощущения, отражающего современный уровень сознания человека, состоит в том, что человек - как индивидуум, как личность - является центром общественного мироздания, призванного служить ему и способствовать его развитию. Степень фактического осуществления этого принципа определяет самочувствие и положение индивидуума в данном обществе и одновременно служит критерием оценки последнего.

Советское общество, декларативно провозгласив - "Всё для человека! Всё во имя человека!", фактически обратило этот принцип в свою противоположность. Тем самым советское государство не только нарушает общепринятые международные принципы, переставая быть в глазах других цивилизованных обществ и являясь постоянным объектом упреков и порицаний - попирая этот принцип, советское государство вырывает свой народ из эволюционного потока человечества. Поэтому одиночные, но настойчивые призывы некоторых его граждан о правах человека - это не только их личные требования, это также отчаянная, хотя возможно и неосознанная попытка снова включить свой ошельмованный народ в

общечеловеческую эволюцию.

Тем более эту миссию должны взять на себя новые советские реформаторы, если в своей деятельности они не руководствуются лишь соображениями политической стабильности, экономической эффективности или международного престижа, Вот для этого-то и нужно новое мышление, то есть мышление, соответствующее духу и требованиям времени. Такое мышление способно осознать и осуществить задачу человеческого сообщества, задачу национального возрождения своей страны - поставить человека в центр жизни и общественных преобразований, понимая под человеком не абстрактную статистическую единицу, и не народ, и даже не человечество, а каждого конкретного индивидуума.

В обществе должны быть созданы условия для свободной творческой деятельности и развития каждого индивидуума, который в свою очередь должен иметь возможность влиять на общественные процессы в стране соответственно своим способностям, склонностям и месту в общественной структуре. Таким образом, общественное устройство должно помочь развитию индивидуальности, а не заменить его, но оно само определяется уровнем развития индивидуальных членов общества. Отсюда задачей и обязанностью руководства страны, в самом широком смысле слова, является создание благоприятных условий для беспрепятственного протекания этого двухпоточного процесса взаимного влияния и обогащения.

Для самих партийно-государственных руководителей наличие такого процесса будет означать конец монополии их власти. Никому не легко добровольно расставаться с собственной властью ("Недаром говорят: в любви и власти никто охотно не уступит части!" - кажется, Чосер). Для советских же руководителей такому шагу должно предшествовать преодоление другого серьёзного психологического препятствия, обусловленного многолетней привычкой к неограниченной власти, избалованностью ею. Они должны перестать рассматривать своих сограждан в качестве объекта своей деятельности, в качестве подчинённых и исполнителей своих мудрых решений, а увидеть в них свободных и равноправных индивидуумов, которые должны сами решать, каких взглядов придерживаться и как организовать собственную жизнь, которые не менее руководителей озабочены судьбами страны и которые обладают по крайней мере такими же способностями судить, что для неё хорошо и каким должно быть общество, в котором они живут.

Советские руководители должны рассматривать свою деятельность лишь как посильный вклад в общее дело, который состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить свободу духовной жизни и деятельности в стране. Это та сфера жизни - культура, искусство, наука, образование, религия, - где формируются духовные богатства и создаются духовные ценности человечества. Она не должна иметь границ - ни временных, ни географических, ни идеологических: каждый человек должен иметь доступ ко всему мировому духовному богатству человечества, а не к той только порции его, которую предписывают ему другие.

Именно из этой сферы человек черпает импульсы как для личного, так и для общественного развития. И если эта сфера действительно свободна, а не зажата какими бы то ни было тисками - политическими, идеологическими, религиозными, экономическими, - то тогда из неё в социально-общественную и экономическую сферы, где сегодня с такой силой действуют эгоистические и разрушительные силы и инстинкты, человек несёт и совсем другие - благие и оздоровительные импульсы и ценности: альтруизм, бескорыстие, отзывчивость, сострадание, милосердие, служение другим, жертвенность...

Я говорю об этом не абстрактно, не в качестве благих пожеланий или назидательных бесед, а как о конкретной реальности, которую вот уже семнадцать лет наблюдаю в Англии. Английское общество, разумеется, далеко от совершенства, но традиции свободы личности здесь, пожалуй, сильнее, чем где бы то ни было в мире. Я мог бы привести немало примеров того, какие замечательные плоды это приносит - не только личные, что само по себе тоже неплохо, но общественные, социальные, экономические, несущие добро и благо другим людям. Этими примерами, а лучше сказать - явлениями, насыщены история и современная жизнь Англии, некоторые из них очень скромны и локальны, другие же имеют общенациональное значение. Нередко добрые дела совершаются анонимно, в ряде случаев люди посвящают им всю жизнь. А как часто - в полном противоречии с тем, чему нас учили в школе, - люди, наделённые богатством, властью или высоким положением, считают своим долгом помогать другим, заботиться о несчастных и обездоленных. Один из лучших примеров здесь - лорд Шафтсбери (1801-1885), который по оценке историков сделал для бедного рабочего люда Англии больше, чем всё профсоюзное движение за всю историю своего существования.

Мне самому посчастливилось быть свидетелем многих случаев проявления искреннего и бескорыстного служения людям. Каждый раз, узнавая о таких явлениях, я с горечью и болью думал о советском обществе, где человек даже лишён возможности заниматься благотворительностью в соответствии с велением своего сердца. Мне вспоминаются слова, которые я услышал чуть ли не в детстве и в горькой правде которых мне пришлось убедиться в последующие годы: "Сделать другому пакость у нас очень легко - каждый может, а вот добро попробуй сделать - узнаешь, как это трудно". И это на земле и в народе, с которыми испокон веков ассоциировались такие качества, как любовь к ближнему, сострадание, доброта!

И всё же индивидуальные качества, которые всего нужнее сегодня российским людям, это - внутренняя честность и личное мужество. Вопрос сегодня стоит о духовном выживании народа, а самая большая опасность, грозящая ему - ложь, разъедающая его сознание и проникшая во все поры общественной жизни. И главный союзник лжи - страх, который парализует людей, убивает их волю. Все остальные пороки и язвы - уже результат их успешной совместной работы. Поэтому остановить эту смертоносную атаку можно только тем оружием, против которого она бессильна - утверждением правды. Но правда начинается с себя, с

собственной совести, с честности перед самим собой. И как ложь нуждается в своём союзнике - в страхе, так и правда нуждается в своём - в мужестве, с помощью которого человек способен нести её в жизнь и отстаивать её.

Те свободы, которые дал советскому обществу Горбачёв, отодвинули для многих людей передовые позиции страха и заменили собой необходимое для его преодоления мужество. Это дало возможность сравнительно большому числу людей поднять свой голос против лжи. Но такая "счастливая ситуация" долго продолжаться не может. Во-первых, свобода не терпит никаких границ, и если Горбачёв, даже расширяя их, не уберёт их совсем, то очень скоро они станут препятствием на пути правды. Во-вторых, борьба против различных проявлений лжи - не то же самое, что борьба за правду. А она только ещё начинается и потребует много мужественных борцов.

К счастью для страны и для народа - они есть. Их всё ещё мало, но сегодня их больше, чем было семнадцать лет назад, когда я писал свои "Заметки", а завтра будет ещё больше. И общая картина исторического развития, переживаемого страной, выглядит сейчас ещё чётче. Мне не хочется повторяться, но я верю, что страна прошла свой надр, и хотя ей предстоит ещё претерпеть много тяжёлых битв и жертв, её движение уже идёт по восходящей линии.

Поэтому страхи о том, что без Горбачёва и его перестройки страна необратимо погрузится во мрак - по меньшей мере наивны. Они понятны в людях, чья теперешняя активность обусловлена реформами Горбачёва, с которыми они связывают свою судьбу (по крайней мере общественную). Но отождествлять судьбу страны со своей или даже с судьбой Горбачёва и его реформ, как бы велика ни была их роль, - значит не видеть и не понимать судеб мира и человечества и своей собственной страны. При всём значении того, что совершают руководители страны, особенно обладающие абсолютной властью, это далеко не единственный - более того, и не самый главный - фактор, влияющий на её судьбу. Страна идёт своим путём, и никто и ничто не может остановить её. Но могут другое: сбивать её с пути, путаться у неё под ногами или же - помогать ей. Вот одну из этих ролей и выбирает для себя, либо играет бессознательно, каждый её гражданин, рядовой или руководящий.

Что касается Горбачёва, то хочется верить, что он выступает в роли помощника - это было бы огромным благом для страны. Пока что самым революционным и значительным мероприятием, проведённым им в этом качестве, было превращение части самиздата в госиздат. Но с точки зрения осуществления это было и самым лёгким мероприятием, ибо потребовало лишь *административного решения*. И поскольку касалось оно снятия одного из искусственных барьеров, которых за семьдесят лет воздвигли целые леса, то проводить таких решений-реформ можно ещё очень много.

И дай Бог, чтобы были проведены - они очень нужны стране. Но убирать барьеры, сносить старые обветшалые постройки - это всё же ломать, а не строить. Но на

месте сломанного и снесённого образуется пустырь, на котором надо строить. Что строить и как? - вот вопрос, который стоит сегодня перед страной.

Первую часть его должны решать сами строители, возводящие для себя новое здание. Но как строить - определяется объективными универсальными законами, которые с одинаковым правом может обсуждать любой человек. Это я и попытался сделать в данной статье, говоря о том фундаменте, на котором должно быть основано любое общественное строительство.